

бы его драматичны, но не настолько, чтобы нельзя было понять, что по одну сторону располагаются Сарьян и Пикассо, а по другую — формалистическое трюкачество и «зализанный» фотографизм.

Последняя глава книги — «Заболоцкий и живопись». Здесь, может быть, особенно отчетливо видны принципы книги Вл. Альфонсова: книга — не просто о живописи. Живопись — подспорье, аргумент, пример, параллель к главному — к уяснению сложного пути, которым идет человек-поэт. Но такая параллель, без которой этот путь не был бы уяснен, а возможно, даже и не совершился бы.

Суммарно и оговариваясь, автор определяет движение Заболоцкого как движение от Филонова к Брейгелю и проецирует стихи раннего Заболоцкого на живопись Филонова, а стихи «среднего» Заболоцкого — на живопись Брейгеля. И тут особенно ясно видно, именно видно, что критик не только пишет о том, как взаимодействуют поэзия и живопись, но сам вступает во взаимодействие с живописью, видно, как анализ живописи зрительно подкрепляет анализ поэзии, не только теоретически, но и практически убеждая в действенности избранного им метода.

Эта глава уже не просто о соотношении поэзии и живописи, но шире — о соотношении, взаимодействии и взаимоотталкивании искусства и науки. Разговор идет о путях и методах современного познания, где вечные проблемы «слова» и «дела» — чистой духовности и пользы — выявляют новые стороны, новые, сегодняшние противоречия, где взаимное притяжение как будто бы обязательно, но примирение тем не менее невозможно.

Беглые замечания, рожденные сегодняшней поэзией, в заключение книги (Б. Слуцкий — Рублев, Вознесенский — Гойя, Гитович — Пикассо, Антокольский — Босх) лишь подтверждают уже сделанный критиком и читателем вывод: «Так или иначе, в основе исканий современных поэтов — жажда подлинной человечности, той человечности, в которой доверие и доброта неотделимы от требовательности к человеческому духу, бескомпромиссности по отношению к злу. И то, что встречи поэтов с художниками случаются, как правило, на этом пути, дает основание надеяться, что родятся новые содружества, новые творческие связи, которые в конечном счете способны лишь обогатить искусство».

Н. СКАТОВ

г. Ленинград

ПЯТЫЙ «ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СБОРНИК» *

Начиная с 1955 года музей-усадьба «Ясная Поляна» и Тульское (Приокское) книжное издательство выпускают сборники материалов и статей, посвященных Л. Н. Толстому.

* «Яснополянский сборник. Статьи, материалы, публикации», Приокское книжное изд-во, Тула, 1965, 228 стр.

Недавно появилась пятая по счету книга.

Специалисты, изучающие жизнь и творчество Толстого, читатели, внимательно следящие за литературными новинками, с большим интересом относятся к этим сборникам. В них всегда находишь что-нибудь неизвест-

ное раньше, новые строки самого Толстого или новые материалы о нем. В этих публикациях — главная ценность сборников, и редакция последнего выпуска поступила, конечно, правильно, открыв ими книгу.

Здесь впервые напечатаны семь писем Толстого. В сравнении с восемью с половиной тысячами, собранными в Юбилейном издании, семь новых писем могут показаться чем-то несущественным. Но когда речь идет о Толстом, всякая новая подробность, касающаяся его жизни и деятельности, всякий его новый автограф драгоценны.

До сих пор были известны, например, лишь два письма Толстого к Венделю Гаррисону, сыну знаменитого американского общественного и политического деятеля, борца за освобождение негров Уильяма Ллойда Гаррисона. В архиве Толстого найден конверт, на котором сохранился черновик третьего письма — благодарность за два последних тома биографии Гаррисона и ответ на просьбу прислать фотографии И. С. Тургенева.

Письма, о которых идет далее речь, совсем недавно поступили в архив. Бывший управляющий орловским имением А. А. Стаховича — В. В. Ермаков подарил московскому музею фотокопию с письма 1888 года. Оно касается неустроенной судьбы В. А. Шмидта, брата М. А. Шмидт, большого друга и последовательницы Толстого. В письме содержится просьба к А. Стаховичу взять В. Шмидта управляющим. Следующее письмо адресовано уральскому революционеру А. А. Эгон-Бессеру (этот корреспондент ранее совсем не был известен), который в 1899 году устроил в Шайтанском заводе народный концерт, а собранные средства направил Толстому в пользу постра-

давших от неурожая крестьян Самарской губернии. Далее следует полученное из Индии письмо к известному ученому А. К. Датту — благодарность за книгу Свами Вивекананда «Философия йога».

В некоторых материалах, опубликованных в сборнике, содержатся интересные детали из истории творчества Толстого. На конверте одного из писем И. М. Трегубова (1898), например, обнаружена важная записка, развернутая в последних главах первой части романа «Воскресение», где рассказывается о свидании Нехлюдова с Катюшей Масловой в тюрьме: *«Она просит за поджигателей на первом свидании. Он просит Масленникова о свидании с поджигателями. Она хвастается. Очень оживляется, прося за поджигательницу»* (публикация К. Ломунова).

Впервые в этом выпуске «Яснополянского сборника» введен самостоятельный раздел «По толстовским местам». Четыре статьи, помещенные здесь, рассказывают о связях писателя с Тульским краем: о Никольском-Вяземском, г. Крапивне и ее окрестностях, о Телятинках и Пирогове. Толстой бывал здесь множество раз, и описания этих мест вошли в его творчество, поэтому рассказать о них стоило. Сотрудники музея использовали для этих работ самый разнообразный материал: художественное творчество и публицистику Толстого, его дневники, письма, воспоминания современников и т. п.

Особенно интересна статья Н. Пузина и С. Толстого «Никольское-Вяземское — родовое имение Толстых». Никольское-Вяземское — это то самое имение, которое после смерти И. А. Толстого было взято в Опекунский совет за долги, а потом выкуплено Николаем Ильичом Толстым, отцом Льва Николаевича. Эта исто-

рия вошла в «Войну и мир» и известна всем по рассказу о знаменитом ростовском Отрадном. В «Анне Карениной» продажа Облонским леса на сруб купцу Рябинину напоминает действительный факт, бывший в 60-х годах с самим Толстым в Никольском-Вяземском, когда он продавал лес купцу Черемушкину. Точное и подробное описание усадьбы и окружающего пейзажа находится в отрывках незаконченных исторических романов из эпохи XVIII — начала XIX века, над которыми Толстой работал в конце 70-х годов.

Позднее, в 1898 году, организуя помощь голодающим крестьянам Тульской и Орловской губерний, Толстой открывал в Никольском (принадлежавшем в ту пору его сыну Сергею Львовичу) столовые. В последний раз он был в Никольском-Вяземском летом 1910 года, за несколько месяцев до ухода из Ясной Поляны. В дневнике он записал: «У Сережи бедна народа и скучно, тяжело. Ходил к дьячку и говорил с бабами. Как мы можем жить среди этой ужасной, напряженной нужды?» (т. 58, стр. 71).

С Крапивной связана общественная деятельность Толстого — посредническая и школьная. В здешнем суде он бывал присяжным заседателем и однажды, в сентябре 1883 года, совершенно так же, как и Нехлюдов из «Воскресения», отказался участвовать в «стыдной комедии». Все эти и некоторые другие сведения о Крапивне собраны в статье А. Поповкина.

Отдельные черты крестьянского быта и народные характеры, увиденные Толстым в деревне Телятинки, вошли в его рассказы на деревенские темы. Кроме того, как свидетельствует С. Толстая, самоубийство Анны Степановны Пироговой, сожительницы владельца Телятинок А. Н. Биби-

кова, навело Толстого на мысль о финале «Анны Карениной» и дало имя героине романа. Обо всем этом, а также о многочисленных посещениях Толстым соседней деревни рассказано в статье А. Ксенофонтова «Телятинки».

Раздел завершается статьей Т. Архангельской о Пирогове, где жили старший брат Толстого Сергей Николаевич и сестра Мария Николаевна. Сам Толстой тоже бывал здесь; много работал — писал. Здесь в июле 1896 года он увидел близ распаханного поля, на краю пыльной, серой дороги раздавленный куст «татарина», который напомнил ему Хаджи-Мурата. Драматические события, случившиеся в молодости с владельцем Пирогова и потом с его дочерью Верой Сергеевной, дали Толстому материал для рассказов «После бала» и «Что я видел во сне». К сожалению, в обстоятельной статье Т. Архангельской собран не весь материал: забыта история с пироговской горничной Гашей, имевшая место в жизни самого Толстого и получившая известное отражение в «Воскресении». И еще то, что, побывав в 1904 году в Пирогове, Толстой вспомнил «сюжет Робинзона — сельского общества переселяющегося» — вторую книгу «Воскресения», о крестьянской жизни Нехлюдова, так никогда и не написанную.

В целом раздел «По толстовским местам» дает очень много. Читая его, как бы воочию видишь окружавший писателя мир. Статьи такого рода вполне уместны именно в музейных изданиях.

Помимо публикаций и фактографических статей, в сборнике, как всегда, напечатаны литературоведческие работы.

Интересны статьи А. Шифмана «Полемическое искусство молодого

Толстого» и М. Бойко «Авторская позиция в романе «Анна Каренина».

К сожалению, довольно обширная статья В. А. Жданова «Творческая история рассказа «Хозяин и работник» не украшает сборник. Тема, взятая им, не нова. Помимо работы А. Петровского, напечатанной в двадцать девятом томе Юбилейного издания, еще в 1936 году появилась блестящая статья Н. Гудзия «Хозяин и работник» в первоначальной и в окончательной редакциях», которую В. Жданов почему-то даже не упоминает.

Сопоставляя тексты, Н. Гудзий с неопровержимой убедительностью показал, что по стилю, манере повествования и развертыванию сюжета первоначальная редакция близка к манере народных рассказов, от которой Толстой отходил в процессе работы, уснащая описание деталями психологии, быта, портретов в духе гоголевской «натуральной школы».

Работа В. Жданова не добавила к наблюдениям и выводам Н. Гудзия ничего нового, кроме многочисленных цитат из рукописей. Тексты Толстого комментируются в статье весьма упрощенно. Например, точная и ясная реалистическая деталь, как всегда у позднего Толстого передающая душевное состояние персонажа,— хозяин, вернувшись к саням после неудачной и напугавшей его попытки найти дорогу, «зашел под ветер от саней, сел на корточки и опять достал папироску и стал раскуривать ее. Но он не мог не только зажечь, не мог держать папироску, руки его дрожали и губы и зубы шелкали» —

комментируется у В. Жданова таким образом: «Следует обратить внимание на эту мелкую подробность с папироской. Толстой любит пользоваться ею в тех случаях, когда надо показать, что герой произведения, не обладая большой духовной силой, в трудную минуту старается затуманить себя никотином. И в данном случае важно было до поры до времени держать Василия Андреича на уровне обыкновенного человека» (стр. 108).

В другом месте, разбирая варианты эпизода, в котором Василий Андреич отправился верхом искать дорогу, но, отъехав недалеко, услышал протяжный волчий вой, В. Жданов замечает: «Фраза, очевидно, показалась писателю слишком целеустремленной в том смысле, что она не создает впечатления о среде, в которой оказался путник» (стр. 111).

В статье много говорится о «пересмотрах душевного состояния», «закономерном развитии переживаний», но действительный смысл этого сложного, именно в психологическом плане, рассказа так и остается нераскрытым.

Видимо, сознавая это, В. Жданов в заключение ссылается на то, что Толстой будто бы «оставлял за художником право на сокровенную тайну, вложенную в его произведение». Увы, право на сокровенную тайну не распространяется на авторов статей о творческой истории тех или иных литературных произведений.

Л. ОПУЛЬСКАЯ